

Содержание

Благодарности	9
Введение	11
Теоретико-методологические основания исследования	17
Структура книги	24
ВЕЧНОСТЬ	27
Понятия вечности	30
Контекст	36
Образы вечного	36
Лексико-семантический анализ	60
Бытие Парменида и поиск философского языка	92
Вечность у Платона	106
Бессмертие души и проблема времени	106
«Парменид»: τὸ νῦν как причина времени	111
Фундаментальная онтология настоящего в «Тимее»	116
МГНОВЕННОСТЬ	131
Материя	133
Контекст	136
Время как негация	136
Хаос Гесиода	150
Лексико-семантический анализ	163
Мгновенность у Платона	190
Непонятное употребление ἐξαίφνης у Платона	190
«Парменид»: τὸ ἐξαίφνης как условие различия	195
Мгновенность материи в «Тимее»	200

ВРЕМЯ	211
Контекст	215
Лексико-семантический анализ	215
Время и порядок у Эмпедокла	236
Образы времени	253
Время у Платона	264
«Государство»: основные черты философии времени	269
Физика времени в «Тимее»	272
Метафизика времени в «Тимее»	281
Заключение	289
Ориентировочная хронология основных упоминаемых авторов	297
Литература	298
Указатель имен	318

Моей Семье

Благодарности

Время удивительно. Думать о времени можно *вечно*. И конечно, размышления, представленные в этой книге, доставили мне немало счастливых (а иногда и мучительных) *мгновений*. Эта работа подводит *итог* нескольким *годам* моей жизни, а потому я хочу выразить всю *полноту* своей благодарности людям, без которых эта книга не состоялась бы.

Я хочу поблагодарить сотрудников Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, в разговорах с которыми (а также молчаливом слушании и чтении их книг) я рос, надеюсь, как человек и исследователь. ИГИТИ сохраняет мою веру в то, что Академия — это *прекрасно*. Хочу поблагодарить отдельно моего директора, Ирину Максимовну Савельеву, за *всегдашнюю* поддержку. Даже наши маленькие шутки о времени (не говоря о серьезных разговорах) заставляют меня думать, что мой приход в ИГИТИ — это *судьба*. Хочу поблагодарить своих учителей, а теперь и коллег, из Школы философии НИУ ВШЭ, научивших меня быть внимательным к философскому *слову* и влюбивших меня в философию *окончательно*. Особенно я благодарен своему первому научному руководителю — Александру Владиславовичу Михайловскому, показавшему, насколько философия — это *история* философии. Я благодарен Оксфордскому университету, где я провел счастливую *пору*, участвуя в проекте Power Structuralism in Ancient Ontologies. И особенно руководителю проекта, Анне Мармодоро, призвавшей меня к исследовательской дерзости и убедившей, что история философии — это философия. Я благодарен членам Российского платоновского общества, в частности Роману Викторовичу Светлову, Ирине Николаевне Мочаловой, Ирине Александровне Протопоповой, за дружескую среду, позволяющую обсуждать Платона. Благодарен и International Plato Society, в частности Барбаре Саттлер и Клаудии Лукетти, за очень важный им-

пульс, позволивший мне *завершить* работу над книгой. Я благодарен своим рецензентам на предзащите и оппонентам на защите диссертации, ставшей основой этой книги, за их советы и замечания. И особенно — Татьяне Юрьевне Бородай, без чьих неожиданных, *внезапно* добрых слов я бы не задумался о подготовке этой книги. Я благодарен Ольге Алиевой и Дмитрию Бирюкову за их комментарии на последнем этапе работы над книгой. Отдельно хочу поблагодарить Илью Дементьева и Кирилла Прокопова, чьи многочисленные (мне казалось — *бесконечные*) замечания и примечания помогли привести текст в *окончательный порядок* (конечно, окончательно возможный для меня, а потому все оплошности — на моей совести).

Я благодарен моей жене Кате за то, что терпеливо переносила мои восторженные «допросы» о нереальности времени и *понятиях* вечности. И конечно, что завершение этой долгожданной книги в сентябре 2019-го не стало даже самым важным событием *месяца*. Благодарен моим братьям: Вове за то, что однажды именно его рассказы увлекли меня к философскому чтению, Сереже за то, что идеи этой книги обрели выраженные *образы*. Благодарен папе, Александру Васильевичу, и маме, Ольге Николаевне, что с детства привили мне любовь к свободному вопрошанию. Я вообще благодарен моей семье, за то что терпят меня.

Странно было бы *отрицать*, что есть еще много людей, без которых эта книга не состоялась бы. И я искренне благодарен им, пусть и не нашел возможности назвать *здесь и сейчас* всех.

Время, чтобы сделать эту книгу лучше, *уже* ушло. И *теперь* мне кажется, что я писал ее *целую вечность*. Но я ни на *миг* не пожалел, что занялся этой темой. Время — удивительно.

Королев. Сентябрь 2019 г.

Введение

Нормальный взрослый человек
никогда не перестает размышлять
о проблемах пространства и времени.

*Альберт Эйнштейн*¹

Сказать, что время — одна из главных категорий нашей культуры, играющая ключевую роль в быту и работе, философии и науке, религии и искусстве, значит сказать истинную правду, но при этом не сказать ничего. Время — настолько неотъемлемый элемент нашей жизни и мышления, что практически не замечается нами. Конечно, мы много куда торопимся и многое пытаемся успеть, но именно в этой спешке на размышление о времени как таковом попросту не хватает времени. Думаю, читателя может удивить тот факт (как удивил он меня), что «время» — третье наиболее часто употребляемое существительное в русском языке. В первой десятке вместе с ним — «год» (1-е место) и «день» (6-е)². Согласно Оксфордскому словарю английского языка, «time» — самое распространенное существительное в современном lingua franca, и в первой десятке вновь — и «день» (5-е), и «год» (3-е)³. Сходное положение, по всей видимости, обнаружится во многих современных языках⁴.

¹ Clark R.W. Einstein: The Life and Times. N.Y.; Cleveland: World Publishing Company, 1971. P. 10.

² Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный список лемм. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 <http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%EB%E5%EC%EC>. Первая десятка выглядит так: год, человек, время, дело, жизнь, день, рука, работа, слово, место.

³ The popularity of “time” unveiled <http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/5104778.stm>. Первая десятка: time, person, year, way, day, thing, man, world, life, hand.

⁴ См.: Frequency lists by Neri <<http://frequencylists.blogspot.com/>>.

Великие достижения новоевропейской мысли, механика Исаака Ньютона и критическая философия Иммануила Канта фундируют наше ощущение единства времени. Глобализация закрепляет это ощущение Всемирным координированным временем (UTC). Если на минутку остановиться и задуматься, убежден, можно концептуализировать некоторые общие для всех нас ключевые характеристики времени: а) время отмечает моменты нашего существования, б) оно измеряет продолжительность периодов между событиями, в) это среда обитания всего существующего. С одной стороны, время — это «контейнер», который способен вместить всё, с другой стороны, это условие того, что «всё» не слипается в неразличимое единство⁵. Это общее понимание позволяет нам не бояться потеряться во времени, так же как и ориентирует нас, этично ли звонить коллеге по рабочим вопросам в выходной. Тем не менее это общее время — частное понятие культуры, и, как у всякого понятия, у него есть история. У времени есть история, которую необходимо принимать всерьез.

Абстрактное, пустое, индифферентное конкретному содержанию общее время, представление о котором доминирует сегодня, совсем недавнее изобретение. Как показывает историк Ванесса Огл, этому общему представлению едва ли насчитывается сто лет⁶, и, принимая во внимание активные дебаты в современной исторической науке⁷, к этой идее времени в XXI в. появляется все больше вопросов. Обращаясь к философии науки, мы видим, как общая теория относительности Альберта Эйнштейна проблематизирует понятие абсолютного, однородного времени и выдвигает на первый план понятие пространства-времени как динамической сущности, гетерогенность которой определяется распределением и движением материальных масс внутри нее⁸. Возвращаясь к философии, мы видим,

⁵ См.: *Кэрролл Ш.* Вечность. В поисках окончательной теории времени. СПб.: Питер, 2016. С. 20–40.

⁶ *Ogle V.* The Global Transformation of Time, 1870–1950. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

⁷ См. обсуждение этой темы с обширной библиографией: *Савельева И.М.* История и теория: “Return to the real” // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 13–23.

⁸ См.: *Гайденок П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 271–290; *Хокинз С., Млодинов Л.* Кратчайшая история времени. СПб.: Амфора, 2006.

что в XX в., например, Анри Бергсон, Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер продемонстрировали всю ограниченность и проблематичность нашего обычного понимания «объективного» времени. Даже несмотря на то, что в доминирующей англоязычной традиции практически весь XX век прошел в продуктивном опровержении тезиса Джона Эллиса МакТаггарта о «нереальности времени» (предполагающего именно общую темпоральную рамку), в новом веке аналитические философы все живее интересуются «чужими», континентальными классиками философской темпорологии.

Ряд названных имен — это эпизоды в истории обширной философии времени. От Хайдеггера и МакТаггарта, Гуссерля и Бергсона ведет знакомый путь к истокам рациональной философии времени. Собственно, практически все классики европейской философии так или иначе обсуждали вопрос «что есть время?» — безусловно, один из вечных (проклятых) философских вопросов. На этом пути мы встречаем Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и уже упомянутого Канта, Дэвида Юма и Джорджа Беркли, Рене Декарта и Баруха Спинозу, Фому Аквинского и Августина, Плотина и Аристотеля... пока, рано или поздно, не приходим к начальной точке⁹.

Чаще всего философская темпорология начинается с Платона, философии времени которого и посвящена эта книга. Но, вопреки намеченному выше традиционному историко-философскому подходу, меня интересует другой, еретический, вопрос. Влиятельный британский философ сэр Энтони Джон Патрик Кенни утверждает, что существует особый бог философов¹⁰. Отталкиваясь от этой метафоры, можно предположить, что существует и особый философский ад со своим дьяволом. Рискую своей бессмертной философской душой, в этой книге я задаю вопросом о том, что *было до начала* знакомой нам рациональной темпорологии. Иными словами, в своем исследовании я буду рассматривать Платона не как исходную фигуру в длинном ряду европейских философов времени, но как за-

⁹ Блестящий пример такого исследования общей европейской традиции философии времени — книга Пиамы Павловны Гайденко: *Гайденко П.П. Указ. соч.*

¹⁰ *Kenny A. The God of Philosophers. Oxford: Oxford University Press, 1979.*

вершающий момент богатой и интересной предшествующей традиции мышления о времени.

Основанная на сельском хозяйстве культура древних греков неизбежно была чувствительна к проблеме времени, ведь сама жизнь и выживание общества зависели от сезонной размеренности мира и ее понимания. Зависимость от времени и интерес к нему проявляются практически повсеместно. Так, например, в «Трудах и днях» Гесиода мы обнаруживаем компендиум астрономических наблюдений эпохи, знание которого необходимо для успешной сельскохозяйственной деятельности; а первый в истории европейской философии фрагмент тематизирует «время» как ключевой элемент организации мира (Анаксимандр, В1 DK¹¹): «...из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени» (пер. А.В. Лебедева). Неудивительно, что имена многих древнегреческих философов связываются позднейшей традицией с астрономическими наблюдениями, корректировкой календарей и (или) созданием средств для измерения времени¹². Так же как и то, что Аристофан находит уместным критиковать новые способы организации календаря в своей комедии «Облака» (607–623), исходя из специфики жанра, ориентированной на максимально широкий круг зрителей.

Заинтересованность и даже укорененность древнегреческой культуры в темпоральной проблематике объясняет и разнообра-

¹¹ Здесь и далее нумерация фрагментов ранних греческих философов приводится по изданию Дильса — Кранца (Die Fragmente der Vorsokratiker / H. Diels, W. Kranz (Hrsg.). Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1960), если не указано иное.

¹² В «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртция, например, Пифагору приписывается открытие того, что вечерняя звезда (Геспер) и утренняя звезда (Фосфор) — одно и то же (VIII. 1), Фалесу — предсказания затмений и солнцестояний (I. 1), вообще занятия наблюдательной астрономией (повлекшей, к слову, комическую смерть — II. 2), Анаксимандру — изобретение гномона (II. 1) и т.д.

зие образов и представлений о времени, которые были для нее характерны. Упомяну лишь несколько из них: мифологический образ времени, уничтожающего все существующее; поэтический образ времени-судьи, раскрывающего правду; антропоцентричное представление о времени как производной от эмоционального состояния человека. Эта множественность времен фиксируется и на уровне семантики. Современный человек, несмотря на использование различных временных маркеров (день, год, миг и т.д.) и образов (ср., например: «время покажет/рассудит», «время лечит», «время не щадит никого/ничего» и т.д.), уверен в существовании «объективного» времени, общего для опыта каждого из нас, которое, как уже было сказано, представляется абсолютным, гомогенным и не обусловленным содержанием вместилищем. Древнегреческие авторы также используют разные слова для описания опыта времени — αἰών, χρόνος, ἦμαρ, καιρός и др. Тем не менее эти слова не могут быть бесппроблемно объединены, на манер мозаики, в некотором общем понятии времени. Так, например, у Гомера «судьбоносное» время-ἦμαρ неравнозначно «пустому» времени-χρόνος или «полноте» времени-и-жизни-αἰών. Предваряя основную часть книги, отмечу, что для Платона различие χρόνος и αἰών вообще является основанием онтологической дифференциации становления и бытия.

Кажется, что разные образы времени и несходные слова для обозначения времени имеют так мало общего друг с другом, что говорить о некоторой когерентной концепции времени просто невозможно. Но именно культура, в которой столь разнообразные и разрозненные образы времени определяют опыт темпоральности, задает образец мышления о времени для всей последующей философской традиции. Речь идет прежде всего о философии времени у Аристотеля, не потерявшей своей актуальности и сегодня. Так, в четвертой книге «Физики» он подвергает решительной критике наивное представление о времени как реальной причине событий или явлений. События не происходят *от* времени, но лишь *во* времени, а «время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» (IV. 11. 219b1–2, пер. В.П. Каропова).

Может создаться впечатление, что тонкая аналитика времени у Аристотеля — башня из слоновой кости посреди полупустынно-

го ландшафта наивных мифологем, несуразных заблуждений и не-оформившихся понятий о времени. Иногда, однако, отмечается, что в своей философии времени Аристотель развивает идеи своего учителя: так, в позднем диалоге «Тимей» (37d) Платон предлагает метафизическую «биографию» времени, в которой оно неоднозначно и загадочно называется вечной копией вечности, движущейся согласно числу. Соответственно, два этих автора рассматриваются как философы, практически предопределившие любые позднейшие дискуссии о времени. «Параллельное» и «независимое» от этой философии времени развитие представлений о времени в поэтических, исторических, драматических произведениях древнегреческих авторов зачастую попросту выносятся за скобки.

Собственно, в этот традиционно игнорируемый философией контекст я и пытаюсь вписать философию времени Платона. Таким образом, в этой книге вместе с Платоном обсуждаются не Аристотель и неоплатоники, чьи взгляды на природу времени хорошо изучены в обширной литературе¹³, но древнегреческие эпические и лирические поэты, риторы и историки, трагики и, конечно, «досократики». С историко-философской точки зрения этот ход довольно легко обосновать. Древнегреческая философия как один из типов мудрости не существовала отдельно от других типов (по-

¹³ Только недавние фундаментальные работы по Аристотелю: *Черняков А.Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001; *Coore U.* Time for Aristotle. Oxford: Oxford University Press, 2005; *Roark T.* Aristotle on Time. A Study of the Physics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; про время у Плотина и неоплатоников: *Sambursky S., Pines S.* The Concept of Time in Late Neoplatonism. Texts with Translation, Introduction and Notes. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 1971; *Stamatellos G.* Plotinus and the Presocratics. A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. N.Y.: State University of New York Press, 2007. P. 89–133; *Chase M.* Discussions on the Eternity on the World in Late Antiquity // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2011. Т. 5. Вып. 2. С. 111–173; *Каменских А.А.* Топология темпоральности в позднем неоплатонизме: Ямвлих, Прокл, Дамаский // Эсхатос-II: Философия истории в контексте идеи «предела». Вып. 2. Одесса: ФОП «Фридман О.С.», 2012. С. 41–55. Также общее рассмотрение Аристотеля и Плотина в контексте европейской философии времени с богатой библиографией: *Гайденко П.П.* Указ. соч. С. 26–54.

этической, риторической, софистической и т.д.), но именно во взаимодействии и соревновании с ними приобретала свой специфический статус¹⁴. А потому понять философию времени Платона можно только в том контексте, в котором и из которого эта философия и возникает. С философской точки зрения обосновать этот ход еще легче. Он позволяет разгерметизировать ключевые понятия философии времени, застрявшие в мнимой самопонятности традиции, что открывает новые возможности для философского обсуждения проблемы. Несколько слов необходимо сказать о том, как этот ход будет осуществляться.

Теоретико-методологические основания исследования

Эта книга посвящена трем темпоральным понятиям у Платона — вечности, мгновенности и времени. Под понятием я понимаю не величественную и неизменную идею-единицу (unit-idea) в духе Артура Лавджоя¹⁵, но скорее гадамеровское «саморазвертывание мысли в ее самопроясняющем и познающем отношении к тому, что есть»¹⁶. Это означает, что вечность, мгновенность и время интересуют меня в полноте их исторического становления и в характерном для Платона горизонте их понимания. Следовательно, реализация моего интереса предполагает, во-первых, анализ слов, передающих эти понятия, во-вторых, анализ специфических образов, связанных с этими понятиями. В таком случае можно сказать, что предметом

¹⁴ См., например: *Lloyd G.E.R. The Revolutions of Wisdom: Studies in the Claims and Practice of Ancient Greek Science. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 50–108; Nightingale A.W. Spectacles of Truth in Classical Greek Philosophy: Theoria in Its Cultural Context. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 17–21, 29–35; Россюс А.А. Полемика Исократ с Академией Платона // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 93–102; Мочалова И.Н. Можно ли научиться добродетели? (Софисты, Исократ и Платон о воспитании) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 44–50.*

¹⁵ См.: *Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 9–28.*

¹⁶ *Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 27.*

исследования являются *понятия* вечности, мгновенности и времени; *слова* «вечность» (αἰών), «мгновенность» (τὸ ἐξαίφνης) и «время» (χρόνος); наконец, *образы* времени как полноты, времени как негации и времени как порядка. Хотя эти предметы выступают в теснейшей связи и взаимно обуславливают друг друга, их различие имеет методологическое значение.

Слова

Анализ слов, используемых для обозначения вечности, мгновенности и времени, подчинен нескольким простым методологическим требованиям, подчеркнутым из историографической истории понятий. Во-первых, совмещение синхронного и диахронного анализа¹⁷. Обсуждение всех ключевых лексем происходит не только в «вертикальном» срезе словоупотребления конкретного автора и синхронном контексте (как у современников, так и в рамках жанра), но встраивается в «горизонтальный» срез бытования слов у авторов разных эпох и жанров.

Во-вторых, совмещение семасиологического и ономасиологического рассмотрения:

Исследование понятия не должно носить только семасиологический характер, оно никогда не может быть ограничено анализом значений слов и их изменений... [Оно должно] чередовать семасиологический подход с ономасиологическим. Это значит, что история понятий должна также регистрировать множество названий, относящихся к (идентичным?) фактам, чтобы быть способной ответить на вопрос о том, каким образом нечто было приведено к своему понятию¹⁸.

Поэтому кроме упомянутых ключевых слов, выражающих понятия «вечности» (αἰών), «мгновенности» (τὸ ἐξαίφνης), «времени» (χρόνος), я также анализирую и другие важные в контексте темпо-

¹⁷ См., например: Koselleck R. Social History and Conceptual History // International Journal of Politics, Culture, and Society. 1989. No. 3. P. 317–318.

¹⁸ Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5 (44). С. 110–111.

ральной проблематики слова — «всегда» (ἀεί), «вечный» (αἰδιός), «настоящее» (τὸ νῦν), «вдруг» (ἐξαίφνης), «[благоприятный] момент» (καιρός), «день» (ἡμέρα), «период [времени]» (ᾠρα).

Наконец, в-третьих, привлечение к рассмотрению текстов разной жанровой принадлежности, а не только философских фрагментов и сочинений¹⁹. Пьер Видаль-Накэ, сетуя на господство в современной литературе «мифов» о восприятии времени греками, замечает:

Когда утверждают, что древние «знали» только круговое, циклическое, т.е. космическое, время, значит ли это, что они не ведали никакой иной формы времени или что они отвергали ее со знанием дела? Доказать это можно, лишь проведя хорошо продуманное широкое исследование. Вот почему необходимо обращаться как к текстам эпических поэм, трагедий, исторических сочинений и даже речей, так и к собственно философским текстам²⁰.

Образы

Этот завет «междисциплинарности» подводит к еще одному важному предмету моего исследования — образам. Речь здесь идет не о графических, но именно вербальных образах²¹. Как отмечает О.М. Фрейденберг, обсуждая образы и понятия в древнегреческой культуре, необходимо помнить, что

[А]нтичные отвлеченные понятия, несмотря на всю их новизну и полную перестройку смыслов, не только восходили к конкретным образам, но и продолжали сохранять эти образы внутри себя

¹⁹ См., например: *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: НЛЮ, 2010. С. 32–33.

²⁰ *Видаль-Накэ П.* Время богов и время людей // Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. С. 69–70.

²¹ Подробнее см.: *Митчелл У.Дж.Т.* Что такое образ // Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 22–64. Тем не менее важную роль в четком осознании важности идеи множественности времен сыграла для меня работа «Старик Хронос» Эрвина Панофского (*Панофский Э.* Этюды по иконологии. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 123–164).

и опираться на их семантику. Мифологические образы стали исчезать не потому, что люди перестали верить в мифы, а оттого, что в самом образе, отражавшем структуру человеческого познания, раздвинулись границы между тем, что образ хотел передать, и способами его передачи²².

Обращение, например, к образу божественного времени, раскрывающего истину и несущего справедливость, имеет исключительное значение в становлении понятия «время» как общей темпоральной системы координат, более того — исходный образ продолжает жить в этом понятии. Несмотря на то что образ всегда конкретен, тогда как понятие предполагает отвлеченное мышление, игнорирование фундаментальной образности древнегреческих темпоральных понятий, как будет показано в книге, исключает из рассмотрения именно философски значимые смысловые пласты²³.

Кроме того, рассмотрение образов времени позволяет сместить фокус исследования с отдельных слов на более сложные языковые единицы и даже целостные элементы повествования. Это позволяет избежать угрозы «зашоренности», всегда стоящей за лексикографическим подходом. Философское понятие, о чем пойдет речь ниже, всегда больше, чем отдельное слово, оно использует продуктивное напряжение, возникающее из сосуществования слов в контексте.

²² *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие // Миф и литература древности. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. С. 232–233.

²³ Как убедительно демонстрирует О.М. Фрейденберг: «Античность показывает, как содержание старых мифологических образов обращалось в фактуру нарождавшихся понятий. То, что образ не исчез, а остался внутри понятия, да еще в формально неприкосновенном виде и с не полностью снятой конкретностью, указывает, что ранние античные понятия и были образами, лишь изменившими свою основную функцию»; «Греческая наука, хотя и порождена теоретическим мышлением, еще не абстрактная дисциплина, не спекуляция; она представляет собой в основе понятийную мифологию. ...Эпос, лирика и драма настолько соседят с философией, что иногда их жанровое размежевание добывается искусственно. Сперва они идут как будто рядом. Но чем отвлеченней становятся понятия, тем больше обособляется теоретическая мысль от художественной» (*Фрейденберг О.М.* Указ. соч. С. 237, 330).

В таком случае внимательное отношение к образам времени позволяет заметить происходящие в темпоральных понятиях смысловые сдвиги и объяснить появление новых значений.

Понятия

Если анализ слов-времени имеет дело с исторической семантикой, а рассмотрение образов времени — с историческим воображением, то темпоральные понятия предполагают уже собственно философскую работу. Под понятием, в духе историографической истории понятий²⁴, я понимаю (i) сложную конфигурацию смыслов, (ii) рефлексивную и (iii) имеющую ограниченное лексическое выражение, наконец, (iv) требующую интерпретации.

(i) и (ii) Любое многозначное слово предполагает сложную конфигурацию смыслов. Анализируя конкретные словоупотребления в диахронной перспективе, мы видим, как ряд разрозненных значений слова складывается в семантическое поле. Тем не менее философское понятие отличается от слова тем, что конфигурация смыслов здесь не просто складывается, но специфически организуется исходя из конкретных задач автора. Эта специфическая организация может быть названа концептуализацией понятия.

(iii) В отличие от образов, предполагающих лексическую пространственность вплоть до целостного элемента повествования, понятия фиксируются в конкретной лексической оболочке. Соответственно, понятия — не изначально данные особые сущности (т.е. они слова, хоть и «особые»), но результат философской деятельности: понятия черпают свой смысл из разнообразных зна-

²⁴ Мою идею можно суммировать высказыванием Райнхарта Козеллека: «Смысл живет в слове, но питается также устным или письменным контекстом и соответствует одновременно той ситуации, к которой он отсылает. Слово становится понятием, когда эта смысловая связь, в которой и для которой употреблено слово, полностью укладывается в слово. Понятие живет в слове, но оно в то же время больше, чем слово. ...Значения слов могут быть точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать» (цит. по: Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: НЛЮ, 2010. С. 42).

чений слов и разнообразных образов, но уместаются в конкретную языковую единицу²⁵.

(iv) Наконец, если значение слова может быть довольно строго зафиксировано, а образы в своей конкретности могут быть исчерпывающе описаны, понятия всегда предполагают интерпретацию. Философское понятие начинается с осмысления автором и продолжается в интерпретации читателя. Это определяет понятие как открытую динамическую систему. Здесь проявляется важная для меня разница между понятием и термином: термин есть также осмысленная сложная конфигурация смыслов, имеющая ограниченное языковое выражение, но предполагающая определение, а не интерпретацию. Понятие всегда живо, оно ускользает от окончательной определенности; термин же — дан.

Необходимо отметить и границы интерпретации, предполагаемые предложенным определением «понятия». Как было сказано, концептуализация подразумевает осознанное сведение ряда значений и образов в единую связанную мысль, имеющую ограниченное лексическое выражение. Следовательно, концептуализация подчинена возможностям семантического поля и исторического воображения²⁶. Можно сказать, интерпретация предполагает «кон-

²⁵ Как справедливо замечает А.В. Лебедев, смешение слова и понятия, термина и концепта — это методологическая ошибка номер один в истории античной философии (Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. С. 98). Понятие может выражаться описательно, метафорически, «не уместаться» в одно слово, но задействовать фразу, образ. Я учитываю этот момент, говоря, например, о том, что Платон до «Тимея» обычно использует выражение «всегда само себе тождественно» (ἀεί κατὰ ταῦτὰ ὡσαύτως ἔχειν или εἶναι) для передачи своего понятия «вечность». Однако принимая во внимание предложенное в этой книге различие слова, образа и понятия, я считаю методологически важным подчеркнуть, что говорю о понятии именно как о компактном, «упакованном» в слово или словосочетание смысле. В других случаях я предпочитаю говорить о нарождающемся понятии.

²⁶ Этот момент можно назвать *презумпцией историзирующей понятности* философского понятия: философ пишет, чтобы быть понятым своими современниками. Как отмечает Франсиско Гонсалес в статье, посвященной древнегреческому пониманию герменевтики: «Греческая “герменевтика” не имеет ничего общего с интерпретацией текстов. ...Речь идет, как мы бы ска-

цептуализацию наоборот»: концептуализация понятия двигается от возможных значений слова и характерных образов к авторскому оформлению смысла; интерпретация же понятия проясняет его смысл в горизонте возможных значений и доступных образов. Итак, интерпретация понятий должна следовать от значений слов к смыслам, от конкретного словоупотребления к философской концептуализации²⁷.

Реконструкционистский подход

Подход, который реализуется в этой книге, по своему духу — это герменевтика. Однако я бы хотел назвать его *реконструкционистским*, вслед за охарактеризовавшей его так Т.Ю. Бородай. Этот подход предполагает, что платоновская философия рассматривается не в контексте последующей европейской темпорологии, но помещается в контекст предшествующей и современной Платону греческой интеллектуальной культуры, в которой и из которой эта философия и возникает. Реконструкционизм, соответственно, позволяет разгерметизировать философские понятия в характерном горизонте

зали, о том, что я “проясняю свою речь” в разговоре и заставляю другого человека “прояснять свою”, задавая ему вопросы» (*Gonzalez F. Hermeneutics in Greek Philosophy // The Routledge Companion to Hermeneutics / ed. by J. Malpas, H.-H. Gander. L.; N.Y.: Routledge, 2015. P. 18*). Здесь можно вспомнить замечание Аристотеля о том, что главная «добродетель» стиля (λέξεως ἀρετή) — это ясность (Аристотель. «Риторика». III, 2, 1404b), а также платоновскую критику необходимости «вскрытия» скрытых смыслов (Платон. «Протагор», 347c–348a; «Гиппий Меньший», 365c–d).

²⁷ Как отмечает Г.-Г. Гадамер: «По этой именно причине прояснение понятий — а история понятий есть их прояснение — может быть всегда лишь частичным. Оно бывает полезным и нужным лишь там, где либо помогает раскрыть сокрытие, происходящее из-за отчуждения, одеревенелости языка, либо заставляет разделить языковую нужду, достичь необходимой напряженности в осмыслении чужой мысли. Ибо осмысливающий обязан в полной мере осознать языковую нужду пишущего. Только тот мыслит философски, кто перед лицом имеющихся в языке выразительных возможностей чувствует недостаточность, и только тот мыслью с автором, кто по-настоящему разделяет бедственное положение человека, решающегося на понятийные высказывания, способные подтвердить себя исключительно лишь самими собой» (*Гадамер Г.-Г. Указ. соч. С. 36*).

понимания, но сама эта разгерметизация для меня возможна только при следовании избранным методологическим установкам. Мне хотелось бы верить, что реконструкционистский подход — это привитая к аналитической философии герменевтика. В современной аналитической философии, точнее, в современной аналитической философии религии, с ее продуктивным обсуждением проблематики времени и божественной вечности, я черпал не меньшее вдохновение, чем в работах, например, Гадамера и Козеллека²⁸. Завершая введение, я хочу отметить, что именно теоретико-методологические основания определили структуру этой книги.

Структура книги

Книга состоит из трех глав, каждая из которых уделяет внимание ключевым темпоральным понятиям — вечности, мгновенности и времени. Каждая глава делится на две части, вторая из которых посвящена философии Платона, первая — значимому для ее обсуждения контексту.

²⁸ Последняя вещь, о которой необходимо сказать здесь, — это понятийный аппарат самого исследования. На страницах этой книги речь пойдет, например, о различии метафизического и онтологического (понимания вечности), диалектичности (времени, возникающего из взаимодействия вечности и мгновенности). Я понимаю, что школьная платоническая традиция склонна отождествлять метафизику и онтологию, как и то, что Платон, собственно, придумал понятие «трансцендентного» (τὸ ἐπέκεινα), которое тем не менее не просто допускает, но предполагает «причастность» временного вечному, что платоновская «диалектика» (διαλεκτικὴ τέχνη) означает не единство противоположностей, но скорее противоположное — неизменное, «вечное», недвусмысленное знание. Эти и другие слова (специально обращаю внимание на слово «темпоральный» и «темпоральность» как просто относящиеся к комплексу вопросов о времени) я использую в общефилософском, а не античном смысле, который можно назвать метаязыком в духе англоязычной философии (если речь идет о неспециализированных исследованиях). Там, где подразумевается специфический смысл, я старался это проговорить эксплицитно, а также пытался дать терминологические определения всем предлагаемыми в исследовании понятиям (я благодарен Т.Ю. Бородай за то, что она обратила внимание на эту проблему).

Контекст предполагает, во-первых, рассмотрение характерных темпоральных образов, во-вторых, семантический обзор ключевых слов, в-третьих, анализ «начальной» концептуализации интересующего меня понятия у ранних греческих мыслителей. Три ключевых образа времени — это время как полнота (с обсуждением «времени богов», темпорального статуса древнегреческих законов природы и исторической памяти), время как негация (гомеровское «пустое» время-χρόνος и всеильное уничтожающее время) и время как порядок (время как политический ресурс и проблема денатурализации времени). Среди слов, выбранных для лексико-семантического анализа, — αἰών, αἰδιός и αἰεὶ в первой главе, καιρός и ἐξαίφνης во второй, наконец, χρόνος (а также ἦμαρ и ὥρα) в третьей. Три ранних греческих мыслителя — это Парменид (с неудобной формулировкой «не было, не будет, но есть» во фрагменте В8), Гесиод (его жуткий, но необходимый Хаос со своими отпрысками) и Эмпедокл (космический цикл и целостный «словарь» вечности).

Вторая часть каждой главы сфокусирована на обсуждении темпоральной проблематики в «Тимее» Платона. Хотя именно этот диалог представляет для меня первостепенный интерес, я несколько расширяю контекст рассмотрения за счет тематизации разных аспектов времени: прежде всего в «Пармениде», ключевом диалоге для концептуализации «мгновенности» как третьего, наряду с вечностью и временем, темпорального статуса, а также в диалогах «Федон» и «Менон» (обсуждение темпорального статуса бессмертной души), «Государство» (специфическое видение темпорологии в общем «учебном плане» стражей) и др. Соответственно, я исхожу из унитаристского подхода к чтению диалогов Платона. Как емко определяет этот подход Д.В. Бугай:

В основе унитаризма лежит убеждение, что в общем и целом платоновская философия оставалась единой во всех написанных им диалогах и что так называемые противоречия между диалогами могут быть объяснены без помощи предположения об изменении позиции Платона в ходе его развития²⁹.

²⁹ Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства». М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 5.

Несмотря на то что каждая часть имеет свое теоретико-методологическое назначение и может быть рассмотрена как автономное высказывание, я надеюсь, что вместе они создают стереоэффект. Так, например, в третьей главе предложен семантический обзор слова *χρόνος*, впрочем, в двух первых главах, при обсуждении образов времени как полноты и как негации, само собой, уже обсуждаются значимые аспекты семантики этого слова. Или, например, краткое рассмотрение смысла и значения слова «день» (*ἡμέρα*) вписывается в семантический обзор *χρόνος*, тем самым «привязываясь» к обсуждению образа времени как порядка.

Хотя такое внимательное отношение к теоретико-методологическим и структурным вопросам, возможно, делает некоторые из моих тезисов более уязвимыми, на мой взгляд, их экспликация имеет особое эвристическое значение. Поэтому я надеюсь, что моя книга сможет способствовать развитию дискуссии в удивительно интересной и бурно развивающейся области современной философии — философии времени.